УДК 82.09
5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)




Е.Ф. Левочская
Российский государственный гуманитарный университет
С.С. Левочский
1-й Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова

РАБОТА С КЛИШЕ КАК ВЫСЕЧЕНИЕ СМЫСЛА (СТИХОТВОРЕНИЕ А.П. ТИМОФЕЕВСКОГО «ХОД КОНЕМ»)

В статье представлен анализ стихотворения А.П. Тимофеевского «Ход конем», на примере которого показаны некоторые особенности творческого метода автора.

А.П. Тимофеевский, «Ход конем», мотив одиночества в русской поэзии, фразеологизмы в поэзии, ирония.

В газетном отклике 2014 года на презентацию книги А.П. Тимофеевского поэт и ответственный редактор «НГ Ex-libris» Евгений Лесин заключает: «Вся книга Тимофеевского может быть использована как ритуальное приветствие участников вакханалии» и приводит стихи «Ход конем», в которых электронный редактор Word подчеркивает нелитературное слово «друган». В отличие от нее, греческие боги не чурались просторечных слов, крепких напитков и нарушения границ. «А мы? А мы тоже не компьютеры. Пусть и не боги, но, когда читаем хорошие стихи, к богам так или иначе становимся ближе. Для того и читаем. Для того я и написал о Тимофеевском. Чтоб и вы читали. И были как боги» [5].

Отмеченные стихи впервые опубликованы в книге «Поговорить бы с пустотой» [9], воспроизведены в сборнике стихов разных лет «Я здесь родился» [10] и в наиболее полном собрании стихов Тимофеевского «Избранное» [8]. Стихотворение написано в 2002 году, в «Избранном» отнесено в раздел «2000-е». В целом этот текст можно рассматривать как типичный для позднего периода творчества автора.

Александр Марков в обзорной статье о творчестве поэта пишет: «Риторика Тимофеевского – это заметность, сознающая себя, заметность слова, которое запоминается и просится в устную и письменную речь, без эксплуатации готовых ритмов или образных традиций. <…> При невероятном избытке аллюзий, скрытых цитат, иронического обыгрывания целых поэтических традиций и почти избыточных перекличек с ними поэзия Тимофеевского отказывается от тематических комплексов, не содержащих глубины. Всё, что он говорит, возможно в повседневной речи и не навязывает ей задач, по инерции унаследованных из других эпох» [7, с. 147–148].

В своей статье мы хотим показать, как А.П. Тимофеевский работает с чужим словом (разговорными клише, поэтической традицией) на примере одного небольшого стихотворения. Под «клише» мы понимаем словесные конструкции, значение которых в языке закреплено, например, фразеологизмы и другие словесные формулы, а также устойчивые образы и их трактовки. Обычно клише утяжеляют текст и понижают его смысловую наполненность, однако А.П. Тимофееский умеет заставить их играть по-новому и, как верно отметил Марков, включаться в повседневность читателя. Устоявшиеся ассоциации в сочетании друг с другом «высекают» смысл, как удар кремния высекает искру.

Приведу стихотворение целиком:

* * *

Ход конем, ход конем, ход конем,
Я хожу, как лошадка, по кругу
С электричеством ночью и днем
В ожидании почты и друга.
Полумрак на моем этаже,
Солнца нет, и от этого – скука…
Милый друг, ты явился уже,
Ты вошел без звонка и без стука.
Одиночество – верный друган,
Неизменный и не предающий,
Я налью тебе водки стакан.
Ты молчишь – неужели непьющий? [8, с. 144]

Обращает на себя внимание работа с фразеологией. Соединение двух клише переворачивает их оба, высекая новый смысл. «Ход конем» – неожиданный, оригинальный ход. «Лошадка по кругу», напротив, образ бесплотного повторения. И там, и там – игра, но в первом случае – серьезная, интеллектуальная и взрослая, во втором – механическая и детская. Три хода конем действительно можно графически представить как возвращение в исходную точку, но главный повтор тут – словесный и звуковой. Одинаковые слова образуют звукопись, усиленную рисунком внутри фразы, где глухие [х, т, к] сменяются звонкими [н, м], а ударные гласные во всех сильных позициях одинаковы [о]. Эти звуки в разных комбинациях входят в звукоподражания «цок-цок-цок», «топ-топ», «тыкдын-тыкдын».

В семиотике знаки, в которых план содержания и план выражения похожи по качествам или по форме, называют иконическими, а те, в которых связь условна (конвенциональна) – символами. Хотя большинство слов языка – знаки-символы, Ю.М. Лотман в

«Структуре художественного текста» пишет об иконичности искусства (поэзии), где в отличие от бытовой речи форма всегда есть часть содержания [6]. Именно такая неразрывная связь делает поэзию поэзией. Но можно говорить об иконичности стихотворной строки и в более узком смысле, так Л.В. Зубова под иконичностью звучания подразумевает «способность моделировать обозначаемое»: «В области фонетики это прежде всего звукоподражание (ономатопея, анафония), однако понятие иконичности звуковой формы шире звукоподражания: звучание слова может соответствовать самым различным психологическим представлениям – о большом и малом, легком и тяжелом, быстром и медленном, что обнаруживается не только в фактах звукового символизма (фоносемантике), но и в размере слова, сочетании звуков в нем, в количестве гласных и согласных, в выборе одного из возможных фонетических вариантов» [4, с. 19].

Первая строка стихотворения А.П. Тимофеевского иконична – читатель слышит удар фигуры о шахматную доску, превращающуюся в топот копыт. Вторая более разнообразна, но и в ней есть иконичность звучания. Ударные гласные чередуются: а – у – а – у, причем во второй половине строки расстояние между ними увеличивается, движение замедляется.

Далее мы видим множество пар однородных членов, иногда образующих синтаксический параллелизм: «ночью и днем», «почты и друга», «без звонка и без стука», «неизменный и не предающий». Эти пары тавтологичны. Первая и третья – это фразеологические аналоги наречий «всегда» и «внезапно», последняя – синонимы. Но эти пары могут быть прочитаны и фразеологически (как целое), и буквально (с вниманием к отдельным словам). «Ночью и днем» в контексте включенного электричества это не «всегда», а именно в неположенное время: утром и вечером свет горит у всех, а днем и ночью только, если что-то идет не так (не хватает солнечного света, нет сна). «Неизменное одиночество» – это какое? Которое не изменяет, что – если мы обратимся к языку описания отношений – тождественно «не предает». И если «неизменное» можно сказать о состоянии, то «не предающий» уже только о субъекте.

Слово «друган» выбивается своей разговорной окраской – и приносит с собой резкий поворот лирического сюжета, афористический пуант высказывания: одиночество – это спутник, который лишает других писем и друзей в силу своего активного присутствия, а не пустота, требующая заполнения. Но спутник необщительный: стакан водки (образ, который имплицитно отсылает ко времени, поколению) – это и знак коммуникации. Молчаливый и непьющий становятся синонимами.

В тексте считывается ирония. Композиция стихотворения напоминает анекдот: есть экспозиция и развязка, которая происходит за счет изменения смысла исходных слов. В сочетании с четкой стихотворной формой, где выдержаны ритм и точные рифмы, где слова и строки сверх того связаны аллитерациями и параллелизмом, это делает текст афористичным, легко запоминаемым. Однако посыл его серьезен.

В сборнике «Избранное» «Ход конем…» удачно соседствует с двумя другими, сравнение с которыми, как кажется, показывает дополнительные грани интересующего нас текста.

Сразу перед ним состоящее из девяти четверостиший стихотворение, которое начинается: «Друзья мои ушли давно, / А я один зачем-то выжил». Как и «Ход конем…», оно заканчивается изменением настроения, в котором одиночество оказывается мнимым, поскольку сам герой принадлежит скорее густонаселенному миру прошлого, чем настоящему:

… И нет конца у тех аллей,
Где я иду, от счастья плача.
Как я не понял, дуралей,
Что и не может быть иначе,
Что я уже среди своих,
Ну пусть не весь, пусть на две трети.
А на земле остался жмых,
Отжимки лишь на этом свете [8, с. 142–143].

Сразу после текста «Ход конем…» – «Таруса»:

* * *
Здесь пролетела птица Рух,
И потому везде разруха.
Шла, шла себе и в воду бух –
Таруса, милая старуха.
И по Оке круги и грусть,
И ни ответа, ни привета,
И я сказать вам не берусь,
Где Русь, та Русь –
Руси той нету (Там же, с. 145).

По форме это восьмистишие. Д. Давыдов пишет о книге Н. Горбаневской «Чайная роза» (М.: Новое литературное обозрение, 2006), в частности, о цикле восьмистиший в нем: «…можно говорить, пожалуй, о превращении восьмистишья в русской поэзии чуть ли не в твердую форму (Ходасевич, Мандельштам, Ахматова, Вагинов, Божнев и мн. др.): первая строфа и вторая находятся в тонких отношениях взаимопритяжения и взаимооталкивания. Тезис сменяется антитезисом, но синтез не предлагается как таковой, он – сама целостность стихотворного произведения, соединения первой и второй строф. Иными словами, это оптимальный объем для насыщенного, диалектичного высказывания (короче текст – получается минимализм, принципиальная недоговоренность; длиннее – нарратив, игра стиховой инерции). Именно восемь строк рифмованного стихотворения позволяют вместить философическую притчу, не разворачивая ее в эпос» [3].

Восьмистишие таким образом предстает как усеченный сонет (усечены шесть строк, в которых в классическом сонете содержится разрешение конфликта, синтез и вывод, дидактическая часть, которые в лирике XX–XXI веков смотрелись бы несовременно).

А.П. Тимофеевский много работал с восьмистишиями. В «Тарусе» разруха оказывается не наличием беспорядка, а значимым отсутствием персонифицированной старухи-Руси. И опять афористичность берется из звука, игры с фразеологией и внутренней формой слова: Таруса, разруха, старуха, птица Рух, Русь, утверждение «не берусь» – все это крутится вокруг слога «ру». Строчка «Шла, шла себе и в воду бух»

иконична в передаче движения. Образ старого города на Оке – то ли реального, то ли вымышленного или припоминаемого – возникает из звука и ассоциаций.

«Ход конем» находится между этим текстами не только буквально, но и, как минимум, по двум параметрам. Во-первых, по объему – и строк, и высказывания. Это еще не восьмистишие, но и нарративной развернутости в нем нет: один эпизод, перекидывающий мостик между тезисом и антитезисом («Одиночество – это смутное состояние без друзей», «Одиночество – это определенный образ жизни с другом-одиночеством»). Во-вторых, по балансу звука и содержания. Работа со звуком тут не так эксплицирована, как в «Тарусе», но безусловно держит текст стихотворения и очень важна. Вместе с тем, само содержание – это скорее отсылка к определенным темам, чем подробное раскрытие их (как в «Друзья мои ушли давно»).

Персонализация одиночества в стихотворении «Ход конем…» имеет литературную традицию. Л.Л. Бельская в цикле статей «Мотив одиночества в русской поэзии: от Лермонтова до Маяковского» показывает, что тема одиночества стала одной из основных в творчестве Лермонтова, а в последствии в русской поэзии в целом. «В XVII веке поэты-классицисты не терзались в стихах одинокими горестями, а *один* применяли наравне с *единым* (в смысле «только»). <…> Первые жалобы на одинокое существование появляются у сентименталистов и ранних романтиков в элегиях и песнях: “Сердцу скучно одинокому – / Свет пустыня, мрак ему” (Н.М. Карамзин) <…> “…я один с безмолвною тоской / Беседую в ночи с задумчивой луной” (К.Н. Батюшков)» [1, с. 4–5]. В этих и других приводимых Бельской примерах часто встречается слово «скучно» и тема разговора с самим собой, что созвучно и тексту Тимофеевского, где появляется «скука» и разговор с одиночеством. При этом в XIX веке речь чаще идет о качестве или состоянии поэта, его сердца или души («одинокий», «одиноко»). В 1950-е годы XX века в обзоре, предложенном Л.Л. Бельской, мы видим уже персонифицированное одиночество («О, одиночество, как твой характер крут!» Б. Ахмадулиной, «Одиночество понимает, / как мужчина не сможет понять» Е. Евтушенко), а также такое, с которым стихи примиряют («Но одиночество прекрасней» у А. Дольского, «Как, одиночество, твой голос чист!» И. Эренбурга и др.) [2, с. 8]. В этом ряду «милый друг», «друган-одиночество» А.П. Тимофеевского уже гость понятный, его приход подготовлен предшествующей традицией, это старый друг поэтов, появление которого не неожиданно.

Но именно и отличает рассматриваемые стихи. Они не вводят образ одиночества-гостя и не описывают его, а сразу воспроизводят коммуникацию. Поэт охотно предлагает старому знакомцу стакан водки, и только молчание в ответ наводит на тревожные мысли (вдруг он непьющий? Или и не друг вовсе?). В этих стихах есть и ирония по отношению к литературной традиции, и установление личных, оригинальных и неформальных отношений с расхожим поэтическим образом.

Таким образом, Тимофеевский берет разработанную тему, и ему удается сказать свое слово в ней. Инструментами высказывания становятся столкновения и переосмысления языковых клише (фразеологизмов), сочетание разных стилей языка и работа со звуком. Стихи А.П. Тимофеевского афористичны и на первый взгляд просты, однако при внимательном рассмотрении можно увидеть, что они устроены сложнее, чем кажется. Это касается и формы, технического исполнения, и того диалога с предшествующей поэтической традицией, в которой автор пребывает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельская, Л. Л. Мотив одиночества в русской поэзии: от Лермонтова до Маяковского / Л. Л. Бельская // Русская речь. – 2001. – № 4. – С. 3–11.

2. Бельская, Л. Л. Мотив одиночества в русской поэзии: от Лермонтова до Маяковского / Л. Л. Бельская // Русская речь. – 2001. – № 6. – С. 3–8.

3. Давыдов, Д. М. Хроника поэтического книгоиздания в аннотациях и цитатах. Февраль – май 2006 / Д. М. Давыдов // Воздух. – 2006. – № 2. – URL: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2006-2/davydov/ (дата обращения: 14.11.2025). – Текст : электронный.

4. Зубова, Л. В. Поэтический язык Марины Цветаевой (Фонетика, словообразование, фразеология) / Л. В. Зубова. – Санкт-Петербург : Геликон Плюс, 2017. – 544 с.

5. Лесин, Е. Поэт – не килька / Е. Лесин // НГ Ex libris. 10.07.2014. – URL: https://www.ng.ru/subject/2014-07-10/1_poet.html (дата обращения: 14.11.2025). – Текст : электронный.

6. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва : Эксмо, 2023. – 512 с.

7. Марков, А. В. Александр Тимофеевский: хроника для непредвзятых вещей / А. В. Марков // Пироскаф. – 2023. – № 4 (Осень). – С. 147–159.

8. Тимофеевский, А. П. Избранное / А. П. Тимофеевский. – Москва : Воймега, 2018. – 323 с.

9. Тимофеевский, А. П. Поговорить бы с пустотой / А. П. Тимофеевский. – Москва : Воймега, 2014. – 104 с.

10. Тимофеевский, А. П. Я здесь родился / А. П. Тимофеевский. – Москва : Издательство Евгения Степанова, 2017. – 48 с.

E.F. Levochskaya, S.S. Levochskiy

GRASPING THE MEANING THROUGH WORKING WITH CLICHÉS (THE POEM “KNIGHT’S MOVE” BY ALEXANDER TIMOFEEVSKY)

The article analyses the poem “Knight’s Move” by Alexander Timofeevsky. It reveals some features of the poet’s creative method.

Alexander Timofeevsky, “Knight’s Move”, motive of “loneliness” in Russian poetry, phraseological units in poetry, irony.